

ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ

ПЯТАКОВ. Хоть я и пожилой человек, но считаю себя материалистом и посему в бога не верю.

СЕНЧИН. А в переселение душ?..

ПЯТАКОВ. Нет.

СЕНЧИН. А чем вы тогда объясните такой факт: вот жил и живет на белом свете экономист Пятаков Савва Никитич... Это вы? Так?

ПЯТАКОВ. Совершенно правильно. Я.

ФИЛАТОВ. А кроме того, жил и живет на свете католический патер, служивший в Венгрии, а затем с сорок второго по сорок пятый год — на Западной Украине. По имени Андреас, по фамилии Иост. И это опять вы!

Полковник Сенчин в конце концов добился своего. Припертый к стенке «экономист Пятаков» вынужден был признаться, что он и патер Иост — одно и то же лицо. Но был один факт в биографии Иоста — Пятакова, который, по-видимому, так и остался тайной и для полковника, и для редактора сборника одноактных пьес Игоря Луковского «На страже безопасности» Н. Каминской (издательство «Искусство», 1959 год). Дело в том, что, по нашим сведениям, — это не единственное превращение патера Иоста. Семь лет назад он уже фигурировал в литературе и назывался тогда Савва Пенезич.

Но не будем слишком поспешно обвинять в упущении полковника Сенчина. Ведь это происходило в другой пьесе, под другим названием, впрочем того же автора. И там патер Иост, буквально в тех же выражениях, рассказывал о себе... инспектору корпуса национальной безопасности Шакоте:

ШАКОТА. Вы верите в бога?

ПЕНЕЗИЧ. ...Хоть я и пожилой человек, но считаю себя материалистом и посему в бога не верю.

ШАКОТА. А в переселение душ?

Итак, Иост, он же Пятаков, он же Пенезич, в переселение душ не верит. Но вот в редакцию «Литературной газеты» при-

В ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ?

шло письмо из города Смелы Черкасской области, и нам пришлось всерьез задуматься над этим каверзным вопросом Шакоты — Сенчина:

«Уважаемая редакция!

Пишу Вам по поручению драматического кружка Смелянской школы № 3. Большая для нас трудность — найти подходящую пьесу. Представьте себе нашу радость, когда мы получили сборник «На страже безопасности», составленный из пьес Игоря Луковского. Но скоро радость наша померкла: такое однообразие содержания, такой трафарет! Особенное возмущение вызвала пьеса «Портфель тети Кати» — это оказалось не что иное, как переизданная пьеса того же самого И. Луковского «Тройной узел», изданная Трудрезервиздатом в 1952 году.

Вспомнили мы и другие пьесы Луковского, которые ставились в школе, и пришли к выводу, что этот «творческий» метод Луковский использует не в первый раз: его пьесы «Мыс предупреждения» («Искусство», 1951) и «Вторая граница», изданная Профиздатом в 1950 году, тоже близнецы»...

Конечно, хотелось бы ответить участникам драмкружка, что все эти метаморфозы патера Иоста и других действующих лиц пьес опытного и известного драматурга Луковского продиктованы высшими творческими соображениями. Хотелось бы защитить честь писательского мундира. Очень хотелось объяснить им, что когда инспектор корпуса национальной безопасности Шакота (герой пьесы «Тройной узел») перевоплощался под пером драматурга в полковника Сенчина (героя пьесы «Портфель тети Кати»), автор стремился... Но к чему, собственно, он стремился, заменяя, положим, реплику Шакоты, рассматривающего фотопленку, следующей репликой Сенчина:

ШАКОТА (смеясь). О-о-о! Вот появился и портфель матушки Козлы. (Ядовито.) А мистер Хэнгри прячет чужой портфель под свой плащ... Великолпно! Ну, дальше, он ушел... Комната пустая...

СЕНЧИН (смеясь). Ага! Bravo, bravo! Вот появился и портфель тети Кати... А уважаемый мистер Снайдерс прячет его под плащ... Великолпно! И, конечно, уходит. Комната пуста...

Так к чему же, бишь, он стремился! Увы, единственный разумный довод в пользу загадочного портфеля тети Кати, явившегося на смену столь же таинственному портфелю матушки Козлы, это, к сожалению, весьма не таинственное желание драматурга получить гонорар за ту же пьесу под другим названием и в другом издательстве...

Было бы несправедливым заявить, что автор получил второй гонорар совсем уж даром. Даже в приведенных репликах Шакоты — Сенчина ощущается кропотливая работа над словом. А если перелистать еще две-три страницы этих пьес, то мы выясним, что драматург, не ограничиваясь заменами восклицаний: «О-о-о!» на «Ага!», вносит серьезные изменения, например, в биографии героев.

Так, Шакота, вызывая свидетеля — директора строительства, аттестует его: «Он, кстати, мой старый приятель... Шесть лет назад он был таким же простым сталеваром, как и я». Сенчин же, вызывая свидетеля — тоже начальника большой стройки, говорит: «Он, кстати, мой очень старый приятель... лет... тридцать тому назад он был шахтером, как и я... мы, забойщики, тогда рубали уголь дедовскими обушками».

Пьеса «Мыс предупреждения» сотворена из пьесы «Вторая граница» уже более прогрессивным, новаторским способом. Здесь не просто элементарная замена имен и национальности героев, здесь — уже оттенки, градации. И если во «Второй границе» главный герой — Алексей — задерживает диверсанта, будучи сильным и здоровым, то в «Мысе предупреждения» он осуществляет то же самое, будучи слабым и больным.

...Итак, проблема переселения душ, поставленная Шакотой — Сенчиным, в иных случаях не такая уж мистика, как может показаться на первый взгляд. Порой она принимает если не материалистический, то уж во всяком случае материальный характер.

Бор. МЕДВЕДЕВ